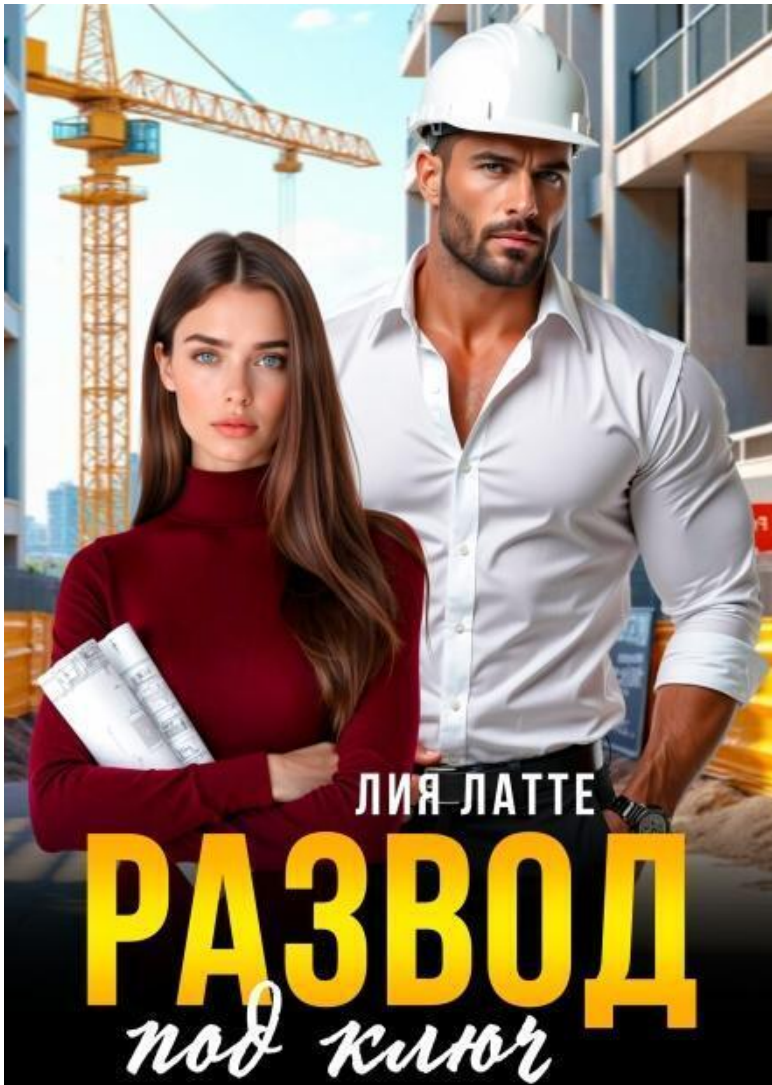

ЛИЯ ЛАТТЕ

РАЗВОД

по ключу

Лия Латте

Развод под ключ

<https://litres.ru/74206684>

Аннотация

— Твое место на кухне, а не на стройке! — голос мужа срывается на визг, он швыряет мои чертежи в мусорку. — Посмотри на себя! Тебе тридцать три, у тебя ни гроша за душой. Ты никто без меня! Слышишь? Никто! — Я была твоим партнером, Максим... — Ты была моей содержанкой! Которая возомнила себя творцом! Всё, Яна. Лавочка закрыта. Теперь здесь командует Илона. А ты собирай свои тряпки и уматывай. К маме, в коммуналку, на теплотрассу – мне плевать.

Так закончился мой «идеальный» брак. Муж уволил меня одним днем, заменив на молодую любовницу без образования, но с амбициями.

Я не буду плакать. Я просто уйду.

Но готов ли ты, дорогой, увидеть меня по ту сторону баррикад?

ХЭ для тех, кто заслужил! Однотомник

Содержание

Глава 1. Аналог	4
Глава 1.2	11
Глава 2. Умная среда	17
Глава 3. Золотое сечение	24
Глава 3.1	30
Глава 4. Аварийное состояние	35
Глава 5. Постельный режим	43
Глава 6. Демонтаж	50
Глава 7. Спецоперация	59
Глава 8. Чужая территория	66
Глава 9. Тень прошлого	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1. Аналог

Бетонная пыль въедалась в кожу, оседала на волосах и скрипела на зубах, сколько бы воды я ни пила. Я потерла переносицу, наверняка оставляя на лбу серую полосу, и снова развернула чертеж на шатком столике прораба.

— Петрович, я не приму эту плитку.

Грузный мужчина в спецовке перестал жевать спичку и тяжело вздохнул, всем видом показывая, какую вселенскую скорбь вызывает у него общение с женщинами на объекте.

— Яна Владимировна, ну чего вы начинаете? Поставщик подвел. Максим Юрьевич лично сказал брать аналог, сроки горят синим пламенем. Сдача через две недели. Какая разница, блестит она или нет? Народ сейчас непривередливый, им бы ключи получить побыстрее и все.

— Мне есть разница. И жильцам будет, — я постучала пальцем по глянцевому образцу, на котором уже виднелся жирный отпечаток чьего-то пальца. — Мы утверждали матовый керамогранит. А это — каток. Это входная группа, Петрович. Люди с улицы пойдут, снег, грязь. Через месяц это превратится в исцарапанное позорище. Снимайте.

Я вышла из душевой бытовки на воздух, плотнее запахивая пальто. Октябрьский ветер пронизывал насквозь, забирался под кашемировый свитер. Вокруг шумела стройка ЖК «Северный» — моего проекта, который я вынашивала полто-

ра года и который сейчас, на финише, медленно, но верно превращался в обычный «эконом» усилиями моего мужа.

Я устала. Не той приятной усталостью, когда видишь результат и гордишься собой, а вязкой, тягучей тяжестью. Хотелось просто сесть на кучу песка, закрыть глаза и выключить звук. Чтобы не слышать визга болгарки и мата рабочих.

К воротам, поднимая веер грязных брызг, подкатил черный внедорожник Максима. Я невольно выпрямилась, поправила каску, провела ладонью по пальто. Привычка «держат лицо» перед мужем выработалась за десять лет брака намертво.

Раньше я встречала его с радостью, сердце подскакивало. Теперь в солнечном сплетении появлялся только легкий спазм напряжения.

В каком он настроении? Не забыла ли я что-то сделать?

Максим вышел из машины, не глядя под ноги. В дорогих ботинках – прямо в жирную грязь. Он был раздражен, это читалось по резким, рубленным движениям. Следом с пассажирского сиденья выпорхнула девушка.

Я нахмурилась. Я знала всех сотрудников офиса, от бухгалтерии до клининга. Этой я не видела ни разу.

Молодая. До неприличия молодая — двадцать два, от силы двадцать три. В кислотно-ярком пуховике, едва прикрывающем поясницу, и без шапки. Волосы рассыпаны по плечам – красиво, но глупо на объекте, где пыль стоит столбом.

— Привет, — Максим кивнул мне, проигнорировав де-

журный поцелуй в щеку. Он даже не посмотрел мне в глаза — его взгляд скользнул по моей каске, по пальто и ушел куда-то в сторону котлована. — Чего мерзнешь? Петрович звонил, ныл. Говорит, ты работу стопоришь.

— Я не стопорю, Максим. Я пытаюсь спасти холл. Они закупили дешевый глянец вместо мата. Это травмоопасно.

— Зато он на складе был, — отрезал муж. — Яна, выключай эстета. У нас кассовый разрыв маячит, если до первого числа акт не подпишем. Люди заедут, коврики постелят, и плевать им на твой гранит.

— Это репутация, Макс... — начала я привычную мантру, от которой у самой уже сводило скулы.

— Это бизнес! — рявкнул он.

Двое рабочих, тащивших арматуру, испуганно пригнули головы и ускорили шаг. Максим шумно выдохнул, провел ладонью по лицу, сгоняя раздражение. Словно вспомнил, что мы не одни.

— Знакомься. Это Илона. Дочка Вадима Сергеевича. Она у нас теперь стажирется. Папа попросил ввести в курс дела. Пусть походит с тобой, посмотрит, как «наводится красота».

Девушка улыбнулась. Улыбка была широкой, открытой и какой-то... липкой.

— Здравствуйте, Яна! Так интересно! — защебетала она. — Я вообще-то на экономическом училась, но папа говорит, в стройке деньги лежат. А дизайн — это же так мило. Шторки, вазочки, подушечки...

За ухом противно заныло – верный признак подступающей мигрени.

— Дизайн – это эргономика, инженерия и сценарии жизни, Илона, — сказала я максимально ровно. — А шторы – это декорирование.

— Ой, ну не душните, — хихикнула она и взяла Максима под локоть. Словно искала поддержки.

Я ждала, что Максим отстранится. Или хотя бы дернет ручкой. Но он стоял, словно так и надо. Даже чуть подался к ней корпусом, расслабляясь.

— Максим говорит, вы тут главная по уюту, — продолжила Илона, окидывая скептическим взглядом серый бетонный фасад моего «скандинавского» дома. — А мне кажется, вот тут, на входе, надо бы чего-то поярче. Скучно же. Серое всё, как в тюрьме. Может, зеркала во всю стену? Или колонны золотые? Ну, чтобы человек зашел и сразу понял – богато!

Я посмотрела на мужа.

Скажи ей. Ты же строитель. Ты же понимаешь, что золотые колонны здесь будут выглядеть как седло на корове.

Но Максим перевел взгляд с фасада на Илону, и жесткая складка между его бровей разгладилась. Он смотрел на нее не как на дуру. Он смотрел на нее с интересом. С тем самым снисходительным мужским интересом, которым он сто лет не смотрел на меня.

— А что... В этом что-то есть. Зеркала пространство расширяют. И дешевле, чем твой фактурный бетон, Яна.

Земля под ногами стала вдруг предательски зыбкой.

— Максим, ты серьезно? — я шагнула к нему, стараясь не замечать девицу, висящую на его локте. — У нас утвержденный проект. Рендеры на сайте. Люди покупали «нордик», а не провинциальный клуб нулевых.

— Люди покупали метры! — жестко оборвал он. — Илона дело говорит. Свежий взгляд. А ты, Яна, заиклилась. Тебе лишь бы бюджет раздуть. Короче, так. Плитку кладем ту, что привезли. На стены – зеркала, Илона найдет поставщика, у нее там какие-то знакомые были.

— Но...

— Всё, Яна. Разговор окончен. Езжай в офис, подготовь смету на изменения. А мы с Илоной еще по этажам пройдемся. Ей полезно.

Он повернулся ко мне спиной и двинулся к подъезду. Илона засеменила следом, смешно перепрыгивая через лужи на своих каблуках. На пороге она обернулась. Во взгляде не было торжества злодейки из сериалов. Скорее, снисходительное любопытство. Так смотрят на старую, добротную, но безнадежно вышедшую из моды мебель. Вроде и выбросить жалко, но в новую жизнь уже не возьмешь.

Я осталась стоять посреди грязного двора одна. Ветер швырнул мне в лицо горсть песка. Я посмотрела на свои руки. Кожа обветрилась, маникюр, сделанный всего три дня назад, сколот. Я жила на этом объекте полгода. Ругалась, выбивала, контролировала каждый стык, чтобы Максиму было

легче. Чтобы «мы» заработали, чтобы у его компании было имя.

«Мы». Впервые это слово прозвучало в моей голове с просительным знаком.

Я достала телефон. 18:40. Нужно ехать в супермаркет. Максим любит стейки на ужин, а холодильник пустой.

— Соберись, — прошептала я себе, сглатывая комок в горле. — Он просто устал. Сдача объекта, нервы, инвесторы давят. Это просто дурацкая плитка. Не стоит из-за нее рушить семью.

Я села в свою машину – надежный, но уже не новый кроссовер, который давно просил техобслуживания. Повернула ключ зажигания. Пальцы мелко дрожали. Мне пришлось сжать руль до белизны в костяшках, чтобы унять эту предательскую дрожь.

Я ехала домой в полной тишине, даже радио выключила. Меня трясло. В глазах стояла эта картинка: рука Илоны на его рукаве. Ярко-розовый маникюр на дорогой ткани его пальто.

Почему он не отстранился? Это был простой, естественный жест – стряхнуть чужую руку. Особенно если ты начальник, а это – стажерка. Особенно если рядом стоит твоя жена. Но он этого не сделал. Он позволил ей висеть на себе.

Неужели он... *Нет. Не может быть. Максим не идиот. Она же пустая. Шторки, вазочки... Она двух слов связать не может. Он просто устал. Ему льстит внимание молодой*

девицы, это тешит его эго. Это ничего не значит.

Я уговаривала себя, вцепляясь в руль. Но внутри, где-то под ребрами, ворочался липкий, холодный страх. Страх женщины, которая начинает понимать, что её срок годности истекает. Что её профессионализм, её верность, её «тылы» – всё это не ценится так высоко, как восторженный взгляд и короткая юбка.

В голове почему-то всплыла фраза, которую Максим бросил вчера за ужином, когда я с восторгом рассказывала про новую выставку архитектуры:

«Тебе бы всё летать, Ян. А кто приземляться будет?»

Кажется, посадка будет жесткой.

Глава 1.2

Дома было тихо. Та звенящая, стерильная тишина, которую я так любила раньше и которая теперь казалась вакуумом.

Я сбросила туфли, чувствуя, как гудят ноги, и сразу прошла на кухню. Наш пентхаус был моей визитной карточкой: много света, натуральное дерево, скрытые системы хранения. Никакого визуального шума. Максим называл этот стиль «офисом», но когда приводил сюда партнеров, всегда гордо выпячивал грудь: «Жена делала, итальянская мебель, спецзаказ».

Я достала из пакета два мраморных ребра. Максим любил мясо. Простое, понятное, с кровью. «Мужская еда», как он говорил. Я надеялась, что хороший ужин сгладит углы после ссоры на стройке.

Пока мясо шкворчало на гриле, наполняя кухню ароматом розмарина и чеснока, я нарезала салат. Механические движения успокаивали.

Он просто устал, — повторяла я про себя, как мантру. — У него ответственность. Кредиты, инвесторы, сроки. А я лезу со своей эстетикой. Может, он прав? Может, людям действительно плевать на плитку, лишь бы ключи дали?

Хлопнула входная дверь. Тяжелые шаги в прихожей.

— Я дома! — голос Максима звучал глухо.

— Привет, — я выглянула из кухни, стараясь улыбаться максимально мягко. — Ужин почти готов. Твой любимый рибай.

Максим вошел в кухню, на ходу развязывая галстук. Он выглядел взвинченным, лицо посерело. Даже не взглянув на меня, он прошел к барной стойке и плеснул себе виски.

— Что-то случилось? — осторожно спросила я, переводящая стейки.

— Случилось, — он с грохотом поставил стакан в раковину. — Тендер по набережной пролетел.

Я замерла с щипцами в руке. Тендер на застройку городской набережной был его главной целью последние полгода. Он вложил кучу денег в предварительные согласования.

— Как пролетел? Но ведь ты говорил, в мэрии всё схвачено...

— Было, да сплыло, — он зло усмехнулся. — Саидов обошел.

Я невольно напряглась. Фамилия Саидова действовала на мужа как красная тряпка на быка.

Дамир Саидов, владелец компании «Футурис». Он появился на рынке города года три назад и вел себя... странно. Не давал взяток, не строил типовые «человейники», а заморачивался с какой-то сложной урбанистикой, «умными домами» и экологией.

Максим считал его сумасшедшим, который сорит деньгами, но почему-то этот «сумасшедший» забирал один жир-

ный кусок за другим.

Максим схватил пульт и включил телевизор, висевший на стене. Там как раз шли местные новости.

— ...именно поэтому проект «Футурис» был признан лучшим, — вещала ведущая с дежурной улыбкой. — Вместо плотной застройки Дамир Саидов предложил создать общественное пространство с парком, сохранив исторический ландшафт.

На экране появился он. Я видела Дамира раньше только на фото в деловых журналах. Вживую — точнее, на видео — он производил другое впечатление. Максим всегда носил дорогие костюмы, которые кричали о статусе. На Саидове была простая темно-синяя рубашка с закатанными рукавами и, кажется, джинсы. Он стоял на фоне реки, ветер трепал темные волосы.

Он не выглядел как типичный застройщик. Он выглядел как человек, который знает что-то, чего не знают остальные. Спокойный, сосредоточенный взгляд, жесткая линия челюсти, но при этом — легкая полуулыбка, не заискивающая, а уверенная.

— Мы не строим квадратные метры, — говорил Дамир в микрофон, и его низкий голос странно резонировал даже через динамики телевизора. — Мы строим среду обитания. Город задыхается в бетоне. Мы хотим дать ему воздух.

— Воздух он хочет дать! — заорал Максим, тыча пальцем в экран. — Ты посмотри на этого клоуна! Святоша нашелся!

«Среда обитания»! Да он просто демпингует, тварь! Зашел с московскими деньгами и душит местный бизнес. Какой идиот будет строить парк вместо двух лишних корпусов? Это же убытки!

Я смотрела на экран. На макет проекта Саидова. Это было... красиво. Действительно красиво. Каскадные террасы, много стекла, зелени. То, что я всегда мечтала спроектировать, но Максим всегда рубил на корню фразой «дорого и непрактично».

— Хороший проект, — вырвалось у меня, прежде чем я успела подумать.

Максим медленно повернул голову ко мне. Его глаза сузились.

— Что ты сказала?

Я поняла, что совершила ошибку. Внутри все сжалось.

— Я говорю, с точки зрения архитектуры... это выглядит современно, Максим. Может, нам тоже стоило предложить городу компромисс? Не застраивать всё под ноль, а оставить сквер?

Он подошел ко мне вплотную.

— Компромисс? — тихо, с угрозой спросил он. — Ты сейчас на чьей стороне, Яна? Ты жена моя или кто? Этот урод у меня кусок хлеба изо рта вынимает, а ты стоишь и любишь его «архитектурой»?

— Я не люблюсь. Я анализирую. Рынок меняется...

— Не учи меня делать бизнес! — он ударил ладонью по

столешнице так сильно, что подпрыгнула доска с нарезанным хлебом. — Ты, блин, дизайнерша! Твое дело — картинки рисовать, чтобы лохи велись. А как деньги зарабатываются, ты понятия не имеешь! Сидишь тут в тепле, на всем готовом... «Современно» ей!

Он резко развернулся и пошел к выходу из кухни.

— Максим, ужин! Стейки остынут... — растерянно позвала я, чувствуя себя глупо с этими кухонными щипцами в руках.

— Ешь сама свой стейк. Кусок в горло не лезет, — бросил он через плечо. — Поеду в бар. Мне надо выдохнуть.

— Но мы же...

— Я сказал, я уехал! Не жди.

Входная дверь хлопнула так, что, казалось, дрогнули стены.

Я осталась стоять посреди идеальной кухни. На экране телевизора Дамир Саидов пожимал руку мэру. Он выглядел спокойным, уверенным. Победителем.

Я перевела взгляд на тарелки. Сочные стейки истекали соком. Салат, вино, которое я открыла заранее, чтобы дать ему «подышать». Всё это теперь казалось нелепой декорацией к спектаклю, который отменили из-за отсутствия главного актера.

Я потянулась к пульту и нажала «Выкл», обрывая новостной сюжет на полуслове. Экран погас, и в черном стекле отразилась моя фигура. Одинокая, в домашнем халате, с иде-

альной укладкой, которая никому не нужна.

Тридцать три года. Красный диплом архитектурного. Десять лет брака. И полное ощущение, что я – просто дорогой аксессуар в этом пентхаусе. Красивый, стильный, но который начал раздражать владельца, потому что вышел из моды и требует слишком много внимания.

В тишине квартиры слышно было только, как гудит холодильник и как за окном, где-то внизу, ревет мотор отъезжающего внедорожника. Мой муж уехал успокаиваться. А я осталась здесь. В доме, который я создала, но в котором мне вдруг стало невыносимо холодно.

Глава 2. Умная среда

Утро началось не с кофе, а с головной боли и стойкого запаха перегара в коридоре.

Я на цыпочках прошла мимо гостевой спальни. Дверь была приоткрыта, и я увидела Максима. Он спал прямо в одежде, свесив ногу с кровати. На полу валялся один ботинок, второй сиротливо лежал у двери. Видимо, вчерашний «бар» затянулся до рассвета. Я даже не стала его будить. Какой смысл? Разговаривать с ним сейчас бессмысленно и бесполезно, будет только хуже.

В ванной я включила воду погорячее. Двадцать минут под душем, патчи под глаза, литр кофе – и вот в зеркале уже не обиженная жена, а уверенный в себе профессионал.

Сегодня по плану был форум «Урбанистика и развитие». Максим такие тусовки ненавидел.

«Сборище болтунов», — говорил он. — «Пока они языками чешут, я деньги делаю».

Так что отдуваться за имидж компании «СтройМакс» снова пришлось мне.

Я выбрала брючный костюм графитового цвета. Строгий, стильный, ничего лишнего. Собрала волосы в идеальный высокий хвост. Выглядела я так, словно у меня всё под контролем. Жаль только, руки слегка дрожали, пока я красила губы.

На форуме было шумно,людно и пафосно. Все пили пло-

хой кофе из бумажных стаканчиков, обменивались визитками и делали вид, что они очень важные.

Я села в третьем ряду, подальше от прохода, чтобы ни с кем особо не болтать. Спать хотелось ужасно.

— ...будущее не за метрами, а за людьми.

Я подняла глаза. На сцену вышел Дамир Саидов.

Вживую он оказался еще интереснее, чем по телевизору. Никакого лишнего лоска, как у Максима. Темно-синий пиджак, белая рубашка без галстука, расстегнутая верхняя пуговица. Он держался просто, но от него веяло такой спокойной силой, что зал как-то сам собой затих.

— Посмотрите на слайд, — сказал он, щелкнув кликером. — Мы моделируем ветровую обстановку во дворах. Зачем? Чтобы детей на площадке не продувало. Это не стоит миллионов. Это просто про заботу.

Я поймала себя на том, что слушаю его, открыв рот. Завота. Боже, как давно я не слышала этого слова в нашей компании. У нас были только «сроки», «сметы» и «давай подешевле». А Саидов говорил про то, что было важно для меня. Про свет, про удобство, про то, как человек будет чувствовать себя в квартире.

Когда он закончил, люди хлопали искренне. Я встала, чувствуя странную смесь восхищения и горечи. Мне безумно хотелось подойти к нему. Просто как коллеге. Спросить про программы, про расчеты. Но на моем бейдже было написано «Яна Волкова. СтройМакс».

Подойти к главному конкуренту мужа — это всё равно что объявить войну. Максим узнает — скандала не оберешься.

Я вздохнула и пошла к гардеробу. Хватит на сегодня умных мыслей. Пора возвращаться в реальность — к зеркалам, которые хочет Илона, и плитке, на которой можно убиться.

У гардероба я замешкалась, роясь в сумке. Где же этот чертов номерок? Пальцы натыкались на помаду, ключи, телефон, но пластиковый кругляш как сквозь землю провалился.

— Вы уронили.

Приятный мужской баритон раздался прямо над ухом.

Я вздрогнула и обернулась. Передо мной стоял Дамир. Близко. Очень близко. Я даже почувствовала запах его парфюма — что-то древесное, с нотками табака и моря. Дорогой, сложный запах.

Он протягивал мне мой номерок.

— Ой, спасибо, — я быстро забрала жетон, стараясь не коснуться его руки. — Растяпа.

Он не ушел. Стоял и смотрел на меня. Внимательно так, изучающе. У него были очень темные глаза, почти черные.

— Яна Волкова, — прочитал он на моем бейдже. — Жена Максима?

— Она самая, — я выпрямилась, напуская на себя деловой вид. — Поздравляю с победой в тендере, Дамир Русланович. Ваш проект набережной... впечатляет.

— Впечатляет? — он чуть усмехнулся уголком губ. —

Ваш муж вчера в интервью сказал, что это «экономическое самоубийство».

Я почувствовала, как краснеют уши. Максим успел дать интервью? Господи, когда? Наверное, прямо из бара позвонил журналистам.

— Ну, Максим у нас прагматик, — дипломатично ответила я, протягивая номерок гардеробщице.

— А вы? — вдруг спросил Дамир.

Я замерла с протянутой рукой.

— Что – я?

— Вы тоже считаете, что людям достаточно бетонной коробки, лишь бы подешевле?

Он шагнул ко мне и, прежде чем я успела опомниться, перехватил мое пальто у гардеробщицы. Обошел меня, встряхнул его, помогая надеть. Это было так... нормально. Естественно. Галантно. Максим мне пальто подавал только по особым случаям, и то, если вокруг были нужные люди. А тут – конкурент, посторонний мужчина. Я сунула руки в рукава, чувствуя спиной тепло его тела. Он был всего в паре сантиметров.

— Я помню ваш проект «Нордик». Два года назад, конкурс «Золотое сечение», — сказал он тихо, поправляя воротник моего пальто. — Там было круто. Много воздуха, свет, натуральный камень. А вчера я ехал мимо вашей стройки. И увидел дешевый пластик на фасаде. Что случилось, Яна?

Меня это задело. Даже не так – кольнуло. Он говорил не

со злорадством, а с сожалением. Будто учитель увидел, что отличница скатилась на тройки.

— Рынок случился, Дамир Русланович, — огрызнулась я, быстро застегивая пуговицы. — Не все могут строить парки. У нас бюджет, сроки и ипотечники. Мы строим доступное жилье.

— Вы строите гетто, — спокойно припечатал он. — И вы сами это знаете. Я видел, как вы слушали меня в зале. Вам же больно смотреть на то, что делает ваш муж.

— Это не ваше дело, — буркнула я, хватая сумку. Он бил по больному, и мне это не нравилось. — Спасибо за помощь. До свидания.

Я хотела уйти, но он мягко преградил мне путь.

— Ваш муж не ценит то, что у него есть, — сказал он, глядя мне прямо в глаза.

У меня сердце пропустило удар.

— Вы сейчас про бизнес?

— Про бизнес, конечно, — он едва заметно улыбнулся, но глаза остались серьезными. — Главный архитектор — это сердце проекта.

— Я сама разберусь.

— Надеюсь. Но если вдруг решите, что устали строить коробки и хотите делать что-то стоящее...

Он достал визитку. Черную, матовую, стильную.

— Мой личный номер.

Я смотрела на этот кусочек картона. Взять — значит пре-

дать мужа. Не взять – выглядеть глупой истеричкой. Я взяла. Просто на автомате.

— Я не ищу работу, — сказала я холодно, пряча визитку поглубже в карман.

— А я не предлагаю работу, Яна. Я предлагаю сотрудничество.

Он кивнул и пошел к выходу. Легкой, уверенной походкой.

Я осталась стоять, сжимая в кармане визитку.

В сумке зажуужал телефон, звонил Максим. Я посмотрела на экран. Впервые в жизни мне не захотелось брать трубку.

Телефон замолчал и тут же зазвонил снова.

— Да! — рывкнула я в трубку, все же ответив на звонок.

— Ты где шляешься?! — вместо «доброго утра» заорал муж. — Я тебе смету на зеркала час назад скинул! Почему не согласовала? Илона ждет, поставщик ждет! Тебе вообще плевать на работу?

— Я была на форуме. Ты сам меня отправил!

— Да нахрен мне твой форум! Смету подпиши! И пулей в офис. Там лепнину привезли, надо выбрать, какая побогаче выглядит, чтоб блесло!

Лепнина. Побогаче. Чтобы блесло. В ушах всё еще звучал низкий голос Дамира про ветер и заботу о людях.

— Еду, — бросила я и отключилась.

 Доро-

гие мои, я буду вам очень признательна, если вы поставите "*мне нравится*" на книгу и добавите в библиотеку. А ещё можно подписаться на меня, мне будет очень приятно
##
 Спасибо вам большое заранее ##

Глава 3. Золотое сечение

До офиса я ехала, кажется, вечность. Пробки стояли намертво, и от этой вынужденной неподвижности хотелось выть. В машине было душно, климат-контроль гудел, но меня колотило, как в лихорадке. Зубы выбивали мелкую дробь, которую никак не получалось унять.

Я сжимала руль так, что ладони горели от напряжения, а пальцы онемели, потеряв чувствительность. В голове крутилась дурацкая, спасительная мысль:

Сейчас приеду, и мы посмеемся. Максим скажет, что погорячился. Что Илона – это просто дочка инвестора, которую навязали, и он сам не знает, куда ее деть. Мы вместе что-нибудь придумаем.

Я уговаривала себя, как маленькую. Но интуиция – та самая, женская, которую не заткнешь, – уже орала благим матом:

Не ходи туда. Не надо.

Во внутреннем кармане сумки лежала визитка Дамира. Я чувствовала ее пальцами через тонкую подкладку. Зачем я ее таскаю? Почему не выкинула?

Наверное, потому что где-то глубоко внутри я уже искала запасной выход, хотя боялась в этом признаться.

Офис встретил меня тишиной. Не рабочей, когда слышно только клацанье клавиш и звонки, а какой-то выжидающей.

Лена, наша секретарша, которая обычно встречала меня с чашкой кофе и сплетнями, даже головы не подняла. Уткнулась в монитор и печатала так яростно, будто ль скорости набора зависла ее жизнь. Я прошла мимо. Спиной чувствовала – они смотрят. Отворачиваются, когда я поворачиваю голову, и снова смотрят. Кто-то резко замолчал у кулера. Они знали. Все они уже всё знали.

У двери своего кабинета я затормозила. Рука зависла над ручкой. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь унять тошноту, которая подкатывала к горлу с самого утра.

«Это твой кабинет. Твоя территория».

Я толкнула дверь.

И воздух в легких закончился.

Моего кабинета больше не было. То есть стол стоял. И мое любимое кресло. Но ощущение было такое, будто в мой дом вломились грабители и перевернули всё вверх дном.

Повсюду – на полу, на подоконнике, прямо поверх моих чертежей – валялся какой-то хлам. Яркие каталоги, куски тканей, обрезки... пенопласта? Да, это была дешевая пенопластовая лепнина. Белая крошка, похожая на перхоть, засыпала мой идеальный порядок.

А в моем кресле, развернувшись к окну, сидела Илона. Она даже не сидела – она в нем практически *лежала*. Развалилась, закинув ноги в уличных туфлях прямо на край моего стола. Острый каблук царапал полированное дерево, но ей было плевать. Она болтала по телефону, накручивая прядь

волос на палец, и смеялась. Громко, заливисто, счастливо.

— ...да, папуль! Максику так понравилось! Сказал, наконец-то будет не скучно. Ага, целую!

Максику. У меня внутри все сжалось в тугой, горячий ком. Она бросила телефон на стол. Он проехал по моему эскизу фасада, смяв бумагу.

— Илона... — голос сел, пришлось откашляться. — Что ты делаешь?

Она обернулась. И посмотрела на меня не как на начальницу. И даже не как на соперницу. А как на надоедливую уборщицу, которая пришла мыть пол не вовремя.

— Ой, Яна! Вы приехали? — она даже ноги не убрала. — А Максим сказал, вы сегодня заняты, на конференции. Ну я решила время не терять. Мы тут образцы утверждали.

— Встань с моего места.

— Да ладно вам, — она фыркнула, закатывая глаза, и медленно, с явной неохотой спустила ноги на пол. — Что вы такая нервная? Смотрите лучше, что я нашла!

Она схватила со стола кусок этого жуткого золотого пластика.

— Это для входной группы! Выглядит — отвал башки, как во дворце! И стоит копейки. Полиуретан!

Я смотрела на этот кусок дешевки в ее руках. На ее восторженное лицо.

— Это пошлость, Илона. Убери это. Немедленно.

— Ничего не пошлость! — взвизгнула она, сразу перехо-

дя в нападение. — Максиму нравится! Он сказал, что ваше серое — это тоска зеленая, а людям праздник нужен!

— Что за шум?

Дверь открылась, и вошел Максим. Я дернулась к нему, по инерции ища защиты.

«Ну вот, сейчас он ей скажет. Сейчас он увидит этот бардак и...»

Но он смотрел не на меня. Он смотрел на нее. И в его взгляде было столько тепла... Столько живого, неподдельного интереса. Он улыбался ей уголками глаз — так, как улыбался мне лет десять назад, когда мы только начинали встречаться.

— Максим! — Илона тут же изменилась в лице, губки надула, голос дрожит. — Яна Владимировна ругается! Я ей образцы показываю, а она орет, что это пошлость...

Муж прошел в кабинет, перешагнул через коробку с образцами и встал рядом с ней. Плечом к плечу. Это простое движение ранило сильнее любых слов. Он выбрал сторону.

— Яна, ну чего ты завелась? — он поморщился, глядя на меня с усталым раздражением. — Девочка работает, старается. Нашла поставщика, почти два миллиона экономии. Молодец же.

— Молодец?! — меня аж потрянуло. — Максим, ты хочешь налепить пенопласт в доме бизнес-класса? Ты серьезно? Это же репутация! Мы десять лет имя зарабатывали!

— Да сдалась тебе эта репутация! — отмахнулся он. —

Это деньги, Яна. Живые деньги. Илона права — людям нужно, чтобы блестело. Чтобы зашли и ахнули. А твой минимализм никто не понимает, кроме кучки эстетов.

— Я главный дизайнер. Я это не подпишу.

— А не надо подписывать, — он вдруг усмехнулся. Легко так, даже весело. — Я уже всё согласовал.

— В смысле?

— В прямом. С сегодняшнего дня дизайном занимается Илона. У нее глаз горит, идей куча. А ты, Ян... — он посмотрел на меня, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на жалость. — Ты устала. Ты перегорела. Тебе всё не так, всё не то. Вечно с кислой миной ходишь.

— Ты меня отстраняешь?

— Я тебя домой отправляю. Поезжай, отдохни, в спа сходи, шопинг там... Не мешай нам работать. Нам тут энергия нужна, драйв. А ты только нудишь.

Он наклонился к Илоне и что-то шепнул ей. Она хихикнула, прикрыв рот ладошкой, и посмотрела на него снизу вверх, как на божество. А он... он поправил ей локон. Просто, машинально, нежно убрал прядь за ухо. При мне. Меня словно под дых ударили.

Я поняла, что я здесь лишняя. Не как сотрудник, а как женщина.

— Я поняла, — сказала я в пустоту. — Я пойду.

— Давай, — кивнул он, уже не глядя на меня. Он рассматривал золотой карниз. — Слушай, Илон, а если мы львов по-

ставим не двух, а четырех?

Я сгребла в сумку ежедневник, телефон, какую-то мелочь со стола. Руки не слушались, пальцы были деревянными, я два раза уронила ключи, но поднимала их молча. Они даже не заметили, как я вышла.

Глава 3.1

Дома было еще хуже. Тишина давила на уши, как вода на глубине. Я ходила по квартире, трогала вещи, и мне казалось, что я в музее имени моей прошлой жизни.

Вот ваза, которую мы везли из Италии в ручной клади, боясь разбить. Вот картина, которую он подарил мне на годовщину. Вот плед, под которым мы смотрели кино.

Всё это вдруг стало мертвым. Чужим.

Я пошла на кухню. Просто чтобы не сойти с ума. Начала готовить. Механически резала овощи, мариновала рыбу. Мне нужно было верить, что это всё – дурной сон. Я цеплялась за надежду, как сумасшедшая.

Он сейчас придет, поест нормальной еды, и его отпустит. Мы поговорим. Мы же десять лет вместе.

Максим приехал в девять. Вошел, бросил ключи на тумбочку. Даже не разулся – прошел в ботинках по светлому паркету, оставляя грязные следы. От него пахло виски и... ею. Этот сладкий, приторный запах дешевых духов. Меня замутило.

— Ты дома? — он удивился, увидев накрытый стол. — Я думал, ты к маме уехала.

— Это мой дом, Максим. Нам надо поговорить.

— О господи, опять... — он закатил глаза, прошел к бару, достал стакан и налил себе виски. — Яна, давай без драм, а?

Я устал. У меня голова пухнет.

— Ты отдал мой проект Илоне. Ты унизил меня перед всем офисом. Почему?

Он повернулся, сделал большой глоток. Посмотрел на меня. В этом взгляде не было злости. Была скука. Смертельная скука.

— Потому что ты стала сложной, Яна. Ты вечно чего-то требуешь, споришь, у тебя вечно "лицо кирпичом". А Илона... она легкая.

— Легкая? — я горько усмехнулась. — В выборе пенопласта?

— И в этом тоже. Она не грузит. Она радуется любой мелочи. Она смотрит на меня и восхищается, понимаешь? А ты смотришь, как училка на двоечника. "Тут не так, там не этак". Я мужиком себя с ней чувствую, а не подрядчиком твоим.

— Ты спишь с ней.

Я не спрашивала. Я знала.

— Сплю, — пожал плечами он. Спокойно так, обыденно. — И знаешь, это кайф. Никаких сложностей, никаких "давай обсудим отношения". Просто секс и веселье. То, чего у нас с тобой сто лет не было.

У меня перед глазами потемнело. Я схватилась за стул, потому что ноги перестали держать.

— Я была твоим партнером... Я в этот бизнес душу вложила...

— Ой, да хватит уже про душу! — он поморщился. — Ты вложила, я заплатил. Ты жила как королева, ни в чем не нуждалась. Что тебе еще надо?

— Ты хочешь развод?

— Зачем? — он искренне удивился. — Меня всё устраивает. Дома — ты, быт налажен, уют. На работе — Илона, драйв, эмоции. Идеально же. Хочешь быть женой? Будь. Сиди дома, занимайся собой, рожай, если получится. Но в бизнес не лезь. И Илону не трогай. Она моя отдушина.

Он говорил это и тыкал вилкой в рыбу. Ел с аппетитом. Ему было нормально. Ему было удобно. Жена для борща, любовница для души.

— Ты предлагаешь мне жить втроем? — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает истерика. — Терпеть твою подстилку в моем доме?

Он замер. Медленно положил вилку.

— Выбирай выражения, Яна. Илона мне дорога. И если тебе что-то не нравится — никто не держит. Дверь там.

— Ты выгоняешь меня?

— Я даю тебе выбор. Либо ты принимаешь правила игры и живешь спокойно. Либо... — он развел руками. — Вали. Но учти: все карты на мне, машина на фирме, квартира на мне. Уйдешь — уйдешь голой.

Я смотрела на него. На его сытое, спокойное лицо. И понимала, что если останусь здесь еще на минуту, я просто задохнусь.

— Я не буду так жить, — сказала я тихо.

— Ну, твое дело, — он пожал плечами и потянулся к пульту. Включил матч. — Только потом не приползай. Обратно не пущу.

Я пошла в спальню. Меня трясло, движения были дергаными, резкими. Я хватала вещи как попало — джинсы, свитер, ноут. Платья, шубы, украшения — всё осталось лежать. Мне было противно к ним прикасаться. Это всё купил он.

В прихожей остановилась. Максим сидел спиной ко мне. Смотрел футбол. Ему было плевать. Абсолютно плевать, что я ухожу в ночь.

— Я ухожу.

— Ключи на тумбочку, — бросил он, не оборачиваясь. — И машину не бери. Она тоже не твоя.

Я положила ключи. Рядом положила кольцо. Оно стукнуло о стекло. Он даже голову не повернул.

Я вышла в подъезд.

Лифт. Первый этаж. Входная дверь и темнота. На улице ливень стеной.

Я сделала два шага и остановилась. Чемодан тянул руку. Вода моментально пропитала пальто, оно стало тяжелым и холодным. Я стояла у своего дома, в котором прожила десять лет, и понимала, что идти мне некуда.

К маме? В однушку на окраине, слушать "я же говорила"?

К подругам? Чтобы завтра весь город смаковал, как Волков выкинул жену?

В отель? Я полезла за телефоном, проверить баланс. Смс от банка: *"Карта заблокирована по инициативе владельца счета"*.

Он не шутил. Он реально перекрыл мне всё.

Я села на мокрую скамейку. Просто потому что сил стоять больше не было. Сидела под дождем, обнимая себя руками, и чувствовала, как внутри разрастается черная, ледяная дыра.

В 33 года я оказалась никем. Без дома, без денег, без семьи. Просто мусор, который вынесли за порог.

Рука в кармане наткнулась на картонку. Визитка.

Я достала телефон. Экран был мокрым, пальцы не слушались, скользили. Я смотрела на номер. Позвонить ему – значит признать, что я на дне. Позвонить врагу мужа. Унизиться.

Но гордость осталась там, в теплой квартире. Здесь, на мокрой скамейке, был только животный страх и холод.

Я нажала вызов.

— Да.

— Это Яна Волкова, — голос сорвался на хрип. Я шмыгнула носом, не в силах сдержаться. — Дамир?

— Слушаю, Яна. — голос спокойный, ровный.

— Ваше предложение... Оно еще в силе?

Глава 4. Аварийное состояние

Глава 4. Аварийное состояние

— Что случилось?

Его голос изменился мгновенно. Исчезла эта светская, чуть насмешливая прохладца. Остался только жесткий, собранный металл. Он точно слышал. Слышал шум ливня, слышал мои жалкие, сдавленные всхлипы, которые я пыталась проглотить вместе с гордостью.

— Я на улице, — выдавила я. Губы онемели от холода, слова давались с трудом. — С чемоданом. У меня нет работы, нет мужа... и идти мне некуда. Вы говорили... вы тогда в гардеробе сказали, что есть другой путь. Кажется, мой нынешний путь закончился в луже у подъезда.

Я замолчала, чувствуя, как горят щеки. Господи, что я несу? Я звоню главному конкуренту мужа и ною в трубку, как побитая собака.

Зачем я это делаю? Почему именно ему?

Я не знала. Просто палец сам нажал на вызов. Может, потому что он был единственным мужчиной за последнее время, кто обратил на меня внимание...

— Адрес? — коротко спросил он. Без лишних вопросов.

Я назвала улицу и номер дома.

— Жди. Я буду через пятнадцать минут. Никуда не уходи. Слышишь меня? Никуда.

Связь оборвалась. Я опустила руку с телефоном, глядя на черный экран. Меня накрыло стыдом. Липким, горячим, невыносимым. Я только что расписалась в собственной беспомощности перед почти незнакомым человеком.

Надо встать и уйти. Спрятаться. Вызвать самое дешевое такси и уехать на вокзал, пересидеть там. Но я не могла пошевелиться. Я примерзла к этой скамейке.

Пятнадцать минут. В обычной жизни это время, чтобы выпить кофе. Здесь, под ледяным октябрьским дождем, пятнадцать минут – это вечность, за которую успеваешь прокрутить в голове всю свою идиотскую жизнь.

Я перестала чувствовать ноги. Дорогие замшевые лодочки напитались грязной водой. Пальто превратилось в мокрую тряпку.

Я подняла голову. Двадцать второй этаж. Три светящихся окна. Там сейчас тепло. Там пахнет моим ужином. Там мой муж, вероятнее, наливает себе виски и, наверное, жалуется Илоне на «истеричку-жену».

«Уйдешь – уйдешь голой».

Его слова стучали в висках в такт дождю. Я сидела и понимала страшную вещь: мне действительно некуда идти. Не потому что некуда физически, а потому что я сама, своими руками, отрезала себе все пути к отступлению.

Вспомнилось, как мы покупали эту квартиру. Пять лет назад.

«Янчик, ну зачем нам на себя оформлять? Это налоги

конские, декларации, лишнее внимание. Давай на маму запишем? Она пенсионерка, ветеран труда, у нее льготы, налог копеечный. Ну какая разница, чья фамилия в бумажке? Жить-то нам. Это же наше гнездо, я для нас стараюсь».

И я кивала. Ну конечно. Свекровь – божий одуванчик, она нас любит. Зачем платить государству лишнее? Я же умная, я же экономная. Я же доверяю мужу.

И теперь по документам я – никто в квартире свекрови. Меня выставили законно.

А машина...

«Зай, лизинг – это тема. Каждые три года новая тачка, все ТО, страховка, резина – всё за счет фирмы. Зачем тебе эта собственность? Это пассив. Пусть контора платит, а ты катайся».

И я соглашалась. Каталась на роскошном кроссовере, считала его своим, выбирала цвет салона. А по факту – я просто пользовалась машиной. И я была уверена, что завтра меня не выпустят с парковки, или заявят об угоне, если я попробую куда-то на ней уехать.

Даже брачный контракт. Мы подписывали его за неделю до свадьбы, впопыхах. Максим смеялся, целовал мне пальцы:

«Подпиши здесь и здесь. Это юристы инвесторов требуют, перестраховщики хреновы. Боятся за свои активы. Чистая формальность для галочки. Мы же с тобой одно целое, нам делить нечего».

И я подписала, не читая. Потому что читать брачный контракт, когда ты влюблена по уши, – это как-то мелко. Пошло. А теперь эта «формальность» превратилась в приговор: всё, что записано на мужа или его маму – его. А на мне – ничего. Ноль. Пустота. Счета он, конечно же, заблокирует, как и обещал, если не уже.

Я – бомж. Бомж с высшим образованием и красным дипломом, сидящий в луже.

Свет фар резанул по глазам, вырывая меня из этого кошмара. К подъезду бесшумно подкатил огромный черный седан.

Водительская дверь открылась. Дамир вышел под дождь. Без зонта. Спокойный, в расстегнутом пальто. Он не бежал, а спокойно шел. Словно вокруг не лило как из ведра, а мы встретились в лобби бизнес-центра.

Я попыталась встать, но ноги не слушались. Чемодан показался прибитым к асфальту. Дамир подошел вплотную. Взял чемодан из моей ослабевшей руки. Потом посмотрел на меня сверху вниз. Я вжала голову в плечи.

Мне хотелось провалиться сквозь землю. Я знала, что он видит: потекшую тушь, мокрые крысиные хвостики вместо волос, трясущиеся губы.

Сейчас он скажет что-то унижительное. Или пожалеет. Я не знала, что хуже.

Но он промолчал. В его взгляде была только темная, ледяная ярость. Но кажется не на меня.

— В машину, — коротко бросил он.

Я сделала шаг и пошатнулась. Он тут же перехватил меня под локоть. Жестко, крепко, как тисками. Буквально втащил в салон, где пахло дорогой кожей и сухим теплом.

Дверь захлопнулась, отрезая шум дождя. Дамир сел за руль. Я вжалась в угол сиденья, стараясь занимать как можно меньше места. С меня текло ручьями на коврик. Зубы стучали так громко, что мне казалось, этот звук заполняет всю машину.

Мне было так стыдно, что хотелось провалиться сквозь кресло.

Я сидела в машине главного врага моего мужа, мокрая, жалкая, нищая.

Дамир развернулся, стянул с себя сухое пальто и протянул мне назад.

— Сними мокрое. Надень это.

— Я испорчу сиденье... — простучала я зубами.

— Плевать на сиденье. Снимай, Яна. Быстро.

В его голосе была такая властность, что спорить сил не нашлось. Я кое-как стащила промокшую ткань, бросила её вниз. Завернулась в его пальто. Оно было огромным, тяжелым и теплым.

Мы ехали молча. Я смотрела в окно на размытые огни города.

— Куда мы? — прохрипела я. Горло саднило, как будто я наглоталась битого стекла.

— В корпоративные апартаменты. — ответил он, глядя на дорогу. — Тебе сейчас не нужен отель. Там люди, паспорта, вопросы. Тебе нужна нора, где тебя никто не потревожит.

У меня защипало в глазах. Он понимал. Понимал, что я не хочу, чтобы кто-то видел меня такой. Раздавленной. Уничтоженной.

Через двадцать минут мы заехали на подземный паркинг небоскреба. Лифт поднял нас на двадцать пятый этаж. Дамир открыл дверь своим ключом.

Квартира была огромной. Лофт. Бетон, стекло, минимум мебели. Холостяцкая, дорогая и абсолютно нежилая.

— Это гостевой фонд, — пояснил он, вкатывая мой грязный чемодан. — Здесь никто не живет. Чистое белье в шкафу, еда в холодильнике.

Я стояла посреди этой роскоши, босиком. Туфли я сняла еще в машине. В чужом мужском пальто...

— Дамир...

Он обернулся.

— Почему? — спросила я тихо. — Мы враги. Вы конкурент. Я жена Волкова. Зачем вам это?

Он посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом.

— Потому что я не воюю с женщинами, Яна. И потому что я ненавижу, когда людей выбрасывают на помойку, как строительный мусор. Волков идиот, но это его проблемы. А ты сейчас — просто человек в беде.

Он подошел к столу, достал из кармана карту-ключ и по-

ложил на столешницу.

— Я заказал ужин, курьер оставит у двери, Поешь. Дверь закрывается автоматически. Код 1985. Он помолчал, глядя на меня, и добавил мягче: — Не думай сейчас ни о чем. Не считай убытки. Не пытайся понять, как так вышло. Ты в аварийном состоянии. Твоя задача – просто прийти в себя и отдохнуть. Спи. Завтра в десять я пришлю машину. Нам нужно будет поговорить.

— О чем? — горько усмехнулась я. — У меня ничего нет. Я ноль.

— У тебя есть голова, — отрезал он. — А остальное наживное.

Он ушел. Просто развернулся и вышел, оставив меня одну. Не стал лезть в душу, не стал требовать объяснений, почему я позвонила именно ему.

Я услышала, как щелкнул замок. И сползла по стене на пол. Закрыла лицо руками. Я думала, что буду плакать. Но слез не было. Была только звенящая, ледяная пустота.

Максим забрал всё. Квартиру – маме. Машину – фирме. Деньги – себе. Он вынул из меня душу, попользовался моим талантом, заработал на мне состояние и выкинул, заменив на молодую игрушку.

Я посмотрела на свои руки. Дрожащие, грязные. Эти руки чертили проекты, которые получали международные премии. Он забрал мои активы. Но он не смог забрать мою профессию.

Я встала. Подошла к окну. Весь город лежал внизу, сверкая огнями. Где-то там, в теплом доме, Максим праздновал победу с Илоной.

— Празднуй, — прошептала я, прижимаясь лбом к холодному стеклу. — Живи в моем ремонте. Ешь из моих тарелок. Думай, что победил. Но завтра я проснусь. И я начну строить. Только на этот раз — не для тебя. А против тебя.

Глава 5. Постельный режим

Я проснулась от того, что меня трясло. Зубы стучали так, что казалось, они сейчас раскрошатся.

Я лежала под тяжелым одеялом, но мне было холодно, как в морозильной камере. Попыталась открыть глаза. Веки были тяжелыми, словно свинцовыми. В горле – битое стекло. Каждый вдох – боль.

Я пошевелилась, и голова взорвалась гулом.

Вставай. В десять придет машина. Тебе нельзя быть слабой. Тебе нельзя болеть.

Это была привычка. Рефлекс, выработанный годами жизни с Максимом.

Я вспомнила прошлую зиму. Грипп. Температура тридцать девять. Максим зашел в спальню, брезгливо морщась, и кинул на тумбочку пачку аспирина.

«Ян, давай ты переберешься в гостевую? У меня завтра переговоры с инвесторами, мне нельзя заразиться. И да, закажи еду сама, я сегодня поужинаю в ресторане, тут лазарет какой-то».

Он ушел, плотно закрыв дверь, чтобы микробы моей слабости не проникли в его успешную жизнь. Я лежала одна, в пустой квартире, и даже воды подать было некому.

Я спустила ноги с кровати. Пол качнулся. Надо встать. Надо умыться. Дамир не должен видеть меня такой. Он решит,

что я размазня. Что я не тяну.

В дверь позвонили. Я дернулась, пытаюсь встать, но ноги подкосились. Я рухнула обратно на подушки, тяжело дыша. Дверь пискнула. Точно, у него свой ключ, идиотка.

Шаги. Быстрые, уверенные.

Дамир вошел в спальню. В костюме, свежий, пахнущий улицей и кофе. Он увидел меня и замер. Улыбка, если она там и была, исчезла мгновенно. В два шага он оказался у кровати.

— Яна?

— Я готова... — прохрипела я. Голос был похож на скрежет ржавого железа. — Дайте мне пять минут... Я сейчас...

Я попыталась приподняться на локтях. Большая, прохладная ладонь легла мне на лоб. Прижала обратно к подушке. Властно. Безапелляционно.

— Лежать.

— Мне надо... мы же договаривались...

— Ты горишь, — перебил он. Его лицо было совсем близко. В глазах — не брезгливость, как у Максима. Тревога. Сосредоточенность. — У тебя жар.

Он выпрямился, достал телефон.

— Алло. Срочно ко мне. Да, в апартаменты. Высокая температура, озноб. Бери всё необходимое. Чтобы был через двадцать минут тут уже.

Он сбросил вызов. Скинул пиджак, бросил его на кресло. Закатал рукава рубашки.

— Что еще болит? Горло? Грудь?

— Горло, — прошептала я. — И холодно. Очень холодно. Дамир исчез на секунду. Вернулся с еще одним одеялом. Укрыл меня, подоткнул края, как ребенку. Потом ушел на кухню. Я слышала шум воды, звон посуды. Вернулся со стаканом теплой воды с лимоном. Сел на край кровати.

— Пей.

Я попыталась взять стакан, но руки тряслись так сильно, что вода выплеснулась на одеяло.

— Черт... простите... я испортила...

— Плевать на одеяло, — жестко сказал он. Он перехватил стакан. Другой рукой приподнял мою голову, поддерживая за затылок. — Пей. Маленькими глотками.

Я пила из его рук. Как беспомощный ребенок. Мне должно было быть стыдно. Мне *было* стыдно. Но еще мне было... спокойно.

Максим в такой ситуации закатил бы глаза и громко негодовал бы, что я свинячу и порчу вещи.

Дамир просто вытер капли с моего подбородка большим пальцем. Его прикосновение было сухим и горячим.

— Сейчас приедет врач, — сказал он, ставя стакан.

— У меня нет денег на врача, — эта мысль пробила сквозь лихорадку. — У меня карты заблокированы. Я не смогу заплатить.

— Заткнись, Волкова, — беззлобно сказал он. — Еще раз заикнешься про деньги – уволю, не успев нанять.

Через двадцать минут приехал врач. Осмотр, укол, капельница. Всё это время Дамир не выходил из комнаты. Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и следил за каждым движением доктора. Контролировал.

Максим обычно уходил в другую комнату играть в приставку, чтобы «не мешать».

Когда врач ушел, оставив гору лекарств, я провалилась в сон. Мне снился дождь. И золотые львы, которые грызли мои чертежи.

Я проснулась вечером. В комнате горел ночник. Было тихо. Жар спал. Тело было ватным, слабым, но голова прояснилась. Я повернула голову.

Дамир сидел в кресле у окна. С ноутбуком на коленях. Он работал. Он не уехал в офис. Он не бросил меня одну в чужой квартире.

Я смотрела на его профиль в полумраке. Жесткий, волевой. Почему? Зачем ему это надо? Я – никто. Бывшая жена конкурента. Проблема. Он мог вызвать врача и уехать. Этого и так было предостаточно. Но он сидел здесь.

— Дамир? — позвала я шепотом.

Он тут же поднял голову. Отложил ноутбук.

— Проснулась. Как самочувствие?

— Лучше. Спасибо.

Он подошел, снова потрогал лоб. Этот жест уже казался привычным.

— Температура спала. Есть хочешь?

Я прислушалась к себе.

— Да. Немного.

— Я сварил бульон.

Я моргнула.

— Вы? Сами?

— А что тебя удивляет? — он усмехнулся. — Я умею не только небоскребы строить. Курицу в воду кинуть — не высшая математика.

Он ушел и вернулся с подносом. Чашка бульона, сухарики. Поставил на тумбочку. Помог мне сесть. Я ела, а он смотрел. И в этом молчании было больше интимности, чем во всем моем браке за последние годы.

— Я всё испортила, да? — спросила я, откладывая ложку. — Мы должны были ехать в офис. Обсуждать масштаб. А я свалилась.

— Ты не свалилась. Ты сломалась. Это нормально после того стресса, который ты пережила. Фундамент дал трещину, мы его латаем.

Он достал из кармана папку. Почти такую же, которую я видела в своем сне.

— Я не стал тащить тебя в офис. Офис приехал к тебе.

Он положил папку мне на колени.

— Что это?

— Твой контракт. И твоя новая жизнь.

Я открыла папку. Буквы прыгали перед глазами, но суть я уловила. Должность главного дизайнера в проекте «Эко-Си-

ти».

Зарплата. Служебное жилье. Автомобиль. И дата начала работы с *момента подписания*.

— Дамир... — я подняла на него глаза. — У меня ничего нет. Максим всё забрал. Квартиру, машину, деньги. Я даже одежду купить не могу.

— Я знаю, — спокойно кивнул он. — Моя служба безопасности пробила твои активы. Ты голая, Яна. Твой бывший подстраховался грамотно. Квартира на маме, машина на фирме. Классика жанра для мудака.

У меня защипало в глазах. Слышать это вслух было унижительно.

— На тумбочке лежит карта, — он кивнул на черный пластик рядом с лекарствами. — Лимит без ограничений. Это подъемные. купишь одежду, телефон, всё, что нужно. Потом вычту из бонусов.

— Вычтете?

— Конечно. Я не благотворительный фонд. Я инвестор. Я вкладываю в тебя, потому что знаю: ты окуписься.

Он наклонился ко мне. Близко. Я почувствовала запах его кожи.

— Сытый дизайнер – это ленивый архитектор, Яна. А ты сейчас голодная. И злая. Тебя унизили, выкинули на улицу, заменили на дешевую подделку. У тебя мотивация такая, что ты зубами будешь грызть землю, лишь бы доказать Волкову, какой он идиот.

Он был прав. Чертовски прав. Внутри меня, сквозь слабость болезни, поднималась горячая, темная волна. Злость. Я вспомнила, как Максим морщился, когда я болела. Я посмотрела на Дамира, который варил мне бульон и сидел у моей кровати.

— Я подпишу, — сказала я.

— Я знал, — он протянул ручку.

Я расписалась. Рука дрожала от слабости, но подпись вышла четкой.

— Я сделаю «Эко-Сити» лучшим проектом в городе, Дамир. Максим еще поймет, кого он потерял.

— В этом я не сомневаюсь, — он забрал папку. Встал. — А теперь спи. Завтра приедет стилист, привезет одежду. В офис выйдешь, когда врач разрешит. Не раньше.

Он пошел к двери. У порога остановился. — И, Яна?

— Да?

— Я останусь здесь сегодня. В гостевой спальне. На всякий случай, если температура поднимется.

У меня перехватило дыхание. Максим бежал из дома при первом чихе. Дамир оставался.

— Спасибо, — прошептала я в темноту.

Глава 6. Демонтаж

Глава 6

Следующие два дня время для меня словно остановилось.

Я проваливалась в сон, выныривала, снова засыпала.

Дамир стал невидимкой. Я ни разу не столкнулась с ним в коридоре, но его присутствие было осязаемым, как плотная стена, закрывающая от ветра.

Это проявлялось в мелочах.

Я просыпалась – на тумбочке уже стоял свежий куриный бульон в термокружке, чтобы не остыл. Рядом – блистер с таблетками и стакан воды. Я засыпала снова, а когда открывала глаза вечером – на столике уже горел ночник с мягким светом, а на стуле лежал свежий комплект полотенец.

Он не заходил, когда я не спала. Не смущал меня. Он просто заботился, молча и дистанционно, давая мне возможность быть слабой, некрасивой и больной без свидетелей.

На третье утро я проснулась сама. Без будильника и без лихорадки. Слабость еще осталась, но голова была ясной. Той звенящей, холодной ясностью, которая приходит, когда отступают эмоции и остается голый расчет.

Я приняла душ, долго стояла под горячей водой, смывая с себя болезнь. Вышла на кухню. Дамир сидел за столом с планшетом. Перед ним стояла чашка черного кофе.

— Ожила? — он поднял на меня взгляд. Спокойный, ска-

нирующий.

— Вроде того. Спасибо за бульон.

— Не за что. Тебе нужно восстанавливать силы.

Я налила себе воды. Руки почти не дрожали.

— Дамир, мне нужно к нему.

Он отложил планшет.

— Зачем?

— Вещи. Я ушла в чем была. Мне нужен мой архив, ноутбук, документы. Там вся моя жизнь за десять лет.

— Напиши список. Мои люди заберут.

— Нет. Я сама. Я знаю, где что лежит. И... мне нужно посмотреть на это. Чтобы не осталось иллюзий.

— Ключи есть? — спросил он.

Я замерла. Ключи. Я ведь оставила их у входа в тот вечер.

— Нет. Я их не взяла.

— Значит, придется звонить. Узнай, когда он дома. Ехать наобум нет смысла.

Меня передернуло от одной мысли, что придется слышать его голос. Но Дамир был прав. Я взяла телефон. Палец завис над контактом.

Вдох-выдох.

Набрала. Гудки шли долго. Я уже надеялась, что он не возьмет, но трубку сняли.

— Да? — голос был недовольный, сонный.

— Это я.

— Вижу. Чего надо? Деньги кончились или гордость?

— Мне нужно забрать вещи. Личные вещи, документы...

— А с чего ты взяла, что я тебя пущу? — он хмыкнул. —

Ты свой выбор сделала. Ушла красиво, дверью хлопнула.

— Максим, не начинай. Мне нужны только мои вещи и бумаги. Тебе этот хлам не нужен. Я приеду, заберу коробку и исчезну.

Он помолчал. Я слышала женский смех на заднем плане. Илона.

— Ладно, — лениво протянул он. — Подъезжай. Я дома еще час. Не успеешь — твои проблемы.

Я сбросила вызов.

— Он дал мне час, — сказала я, поворачиваясь к Дамиру.

— Я отвезу. Собирайся.

Дорога заняла двадцать минут. Мы молчали. Я смотрела на знакомые улицы и чувствовала, как внутри натягивается струна. Дамир заехал во двор, припарковался так, чтобы видеть подъезд.

— Я буду здесь. Телефон в руке. Если что-то пойдет не так — звони, я поднимусь.

— Не надо. Я сама.

Консьержка, увидев меня, расцвела, но тут же спрятала глаза. Видимо, слухи уже долетели и до нее. Она молча открыла мне дверь.

Лифт. Знакомый этаж. Звонок. Дверь открылась.

Максим стоял на пороге в одних джинсах, с голым торсом. Небритый, помятый, но довольный собой. Из квартиры пах-

нуло душным, сладким запахом кальяна и чужих духов.

— Явилась, — он отошел, пропуская меня. — Ну, заходи. Только быстро.

Я шагнула в прихожую. И сразу поняла: моего дома больше нет. Здесь царил хаос.

На полу валялись коробки, пакеты из брендовых магазинов, обувь вперемешку. На зеркале, которое я всегда держала в идеальной чистоте, был жирный след от пальца. Всё выглядело так, словно здесь неделю гуляла пьяная компания.

— Чемодан в гардеробной, — бросил Максим, уходя на кухню. — Ищи сама.

Я прошла в спальню. Кровать была разобрана. Простыни сбиты. На моей тумбочке – грязные бокалы. В углу стояли черные мусорные мешки.

— Мы тут порядок наводили, — раздался голос от двери.

Я обернулась. Илона. В моей шелковой пижаме. Она была ей велика, рукава закатаны. Она стояла, прислонившись к косяку, и грызла яблоко.

— Максик сказал, что твое старье только место занимает. Вон, в мешках всё.

Меня захлестнула горячая волна гнева.

— Ты носишь мои вещи? — спросила я, глядя на пижаму.

— Ну а че, висит, пылится, — она пожала плечами. — Ткань приятная. Ты не жадная, надеюсь?

Я промолчала. Спорить с ней было ниже моего достоинства. Я схватила первый попавшийся пакет и начала запихи-

вать туда то, что попадалось под руку: джинсы, свитера, какие-то папки с документами.

— А ты торопишься, — раздался голос Максима.

Он стоял в дверях, опираясь плечом о косяк. В руках — банка пива. Он смотрел на меня с той самой ленивой, хозяйской ухмылкой, от которой сводило скулы.

— Я забираю свое и ухожу.

— Ну да, ну да, — он сделал глоток. — Беги, Форест, беги.

Он прошел в комнату, сел в кресло, расставив ноги. Илона тут же примостилась на подлокотник, положив руку ему на плечо.

— Максик, ты такой щедрый, пустил её, — промурлыкала она.

Меня начало мутить. Эта картинка — они вдвоем, в моей спальне, среди моих вещей — была омерзительной.

— Я всё забрала, — я застегнула сумку.

Я направилась к выходу, но Максим вдруг встал и преградил мне путь. Он был выше, крупнее. И от него исходила тяжелая, давящая энергия сытого хищника.

— Не так быстро, Янчик. Куда торопишься?

— Дай пройти.

— Поговорить не хочешь? — он шагнул ко мне, сокращая дистанцию до интимной. — Выглядишь ты... интересно. Похудела. Глаза горят. Тебе идет быть злой.

Он протянул руку и коснулся моего плеча. Я дернулась, как от ожога.

— Не трогай меня.

— Фу, какая недотрога, — он усмехнулся, но руку не убрал. Наоборот, его пальцы сжались сильнее. — А ведь раньше тебе нравилось, когда я так делал.

— Раньше ты был моим мужем. А сейчас ты...

— Кто? — он наклонился к моему лицу. — Твой хозяин, Яна. Ты забыла? У тебя ничего нет. Ты ноль. Я тебя создал, я тебя и обнулil.

— Я сама себя создала, — прошипела я.

— Да брось. Кому ты нужна без моих денег? — он провел пальцем по моей щеке. — Слушай, а я смотрю на тебя, и мне даже жалко становится. Бегаешь, суетишься... Может, вернешься?

Я замерла.

— Что?

— Ну, в статусе жены тебя уже не восстановить, место занято, — он кивнул на Илону, которая хихикнула. — А вот на особых условиях... Я могу тебя содержать. Сниму квартирку, дам денег на шпильки. Будешь приходить, когда позову. Ты в постели всегда была старательная.

Меня словно ударили. Он не шутил. Он смотрел на меня оценивающе, как на вещь в витрине, которую можно купить по уценке.

— Ты предлагаешь мне стать твоей любовницей? Как... вот эта вот? — я кивнула на Илону.

— Ну, Илона для души, а ты для тела, — он пожал пле-

чами. — Или наоборот. Разберемся. Втроем даже веселее. Илона вон не против экспериментов. Правда, малыш?

— Ага, — протянула Илона, глядя на меня с наглым любопытством. — Прикольно же.

У меня перехватило дыхание от омерзения. Это было дно. Абсолютное, черное дно. Он упивался своей властью.

— Ты больной, Волков, — сказала я тихо. — Тебе лечиться надо.

— Да ладно, не ломайся, — он вдруг резко притянул меня к себе, вжимаясь пахом в бедро. — Я же вижу, ты хочешь. У тебя денег нет, жрать нечего. А я предлагаю полный пансион. Соглашайся. Где ты еще такого мужика найдешь?

Его губы потянулись к моей шее. В нос ударил запах его парфюма, смешанный с запахом чужого тела и пива. Меня накрыло яростью. Я не думала. Я просто действовала.

Резкий удар коленом. Точно в цель.

Максим охнул, глаза его округлились. Он разжал руки и согнулся пополам, хватая ртом воздух.

— Сука... — прохрипел он, падая на колени.

Илона взвизгнула:

— Ты что творишь, психованная?!

Я поправила сумку на плече. Посмотрела на мужа, который корчился на ковре у моих ног.

— Предложение отклонено, — бросила я.

Я вышла из квартиры, не оглядываясь. Спустилась по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Меня трясло. Мне

казалось, что я грязная с ног до головы. Что этот запах, эти слова — они прилипли ко мне, как слизь.

Вылетела из подъезда. Дамир стоял у машины. Он сразу увидел меня — бледную, с безумными глазами. В два шага оказался рядом.

— Что случилось?

— Увези меня, — я схватила его за руку. — Пожалуйста, просто увези. Быстрее.

— Он тебя тронул? — голос Дамира стал ледяным.

— Он предложил мне... стать его содержанкой, — меня передернуло. — Сказал, что снимет квартиру, если я буду... развлекать их с Илоной.

Лицо Дамира стало страшным. Он посмотрел на окна третьего этажа.

— Я поднимусь.

— Нет! — я вцепилась в него изо всех сил. — Не надо! Не марай руки! Он того не стоит. Я просто хочу уехать. Я хочу забыть это как страшный сон. Пожалуйста, Дамир.

Он замер. Желваки на скулах ходили ходуном. Он боролся с желанием пойти и убить. Потом посмотрел на меня.

— В машину.

Он открыл дверь, помог мне сесть. Сам сел за руль. Машина сорвалась с места. Мы ехали молча. Я терла руки влажной салфеткой, пытаюсь стереть ощущение прикосновения Максима.

— Я уничтожу его, — сказал Дамир. Спокойно, буднично.

— Я заберу у него всё. Каждый рубль. Каждый кирпич. Он будет стоять на коленях, Яна. Я тебе обещаю.

Глава 7. Спецоперация

Мы ехали молча. Я смотрела на свои руки, лежащие на коленях. Грязные манжеты свитера, обломанный ноготь. Я чувствовала себя самозванкой в этом дорогом кожаном салоне. Бомжом, которого по ошибке пустили в бизнес-класс.

— Куда мы? — голос все еще хрипел после крика в подъезде.

— В «Цветной», — ответил Дамир, не отрываясь от дороги. — Тебе нужна одежда. В таком виде я тебя в офис не повезу. Мои сотрудники – эстеты, сожрут и не подавятся.

— Дамир, я могу сама... Дайте мне карту, я быстро...

— Нет, — он перебил меня жестко. — Сама ты купишь что-то «удобное» и «немаркое», чтобы спрятаться. А мне нужно, чтобы ты сияла. Ты – лицо моего нового проекта. Ты должна выглядеть так, чтобы при виде тебя у конкурентов сводило скулы.

Мы заехали на парковку торгового центра. Дамир вышел из машины, обошел её и открыл мне дверь.

— Идем.

Это был не шопинг. Это была спецоперация. Дамир шел между рейлами с одеждой уверенно, как по стройплощадке. Он не смотрел на ценники. Он смотрел на крой и ткань. Он снимал с вешалок вещи и передавал их консультанту. Молча.

Брючный костюм цвета графита. Шелковая блузка оттен-

ка стали. Платье-футляр...

— Это слишком... — начала я, увидев разрез на юбке.

— Это идеально, — отрезал он. — Примеряй.

Я стояла в примерочной, застегивая пуговицы на жакете. Ткань была дорогой, прохладной. Крой – безупречным.

Из зеркала на меня смотрела незнакомая женщина. Бледная, с тенями под глазами, но в этом костюме она выглядела не жалкой, а опасной. Как клинок, который достали из ножен.

Когда я вышла, Дамир сидел в кресле, просматривая почту в телефоне. Он поднял голову. Взгляд его потемнел.

Он скользнул по моим ногам, по талии, задержался на губах. В этом взгляде не было липкой пошлости Максима. Было тяжелое, мужское одобрение. Как будто он оценил несущие конструкции и остался доволен.

— Берем, — сказал он консультанту. — И туфли. Вон те, на шпильке.

— Дамир, это стоит целое состояние, — прошептала я, когда увидела сумму на терминале.

— Это инвестиция, Яна. Отработаешь.

Через час я вышла из салона красоты, который находился тут же. С укладкой – гладкий, низкий хвост. С макияжем, скрывшим следы бессонницы и слез. Я шла рядом с Дамиром к машине, и стук моих новых каблуков по плитке звучал как обратный отсчет.

Офис «Футурис» встретил нас прохладой, запахом доро-

гих ароматов и стерильной чистотой. Стекло, бетон, живые растения. Люди, снующие туда-сюда с папками, провожали нас взглядами.

Я чувствовала, как эти взгляды прилипают к спине. Я старалась держать спину прямо, хотя колени предательски дрожали.

Мы прошли в приемную. Секретарь, безупречная блондинка, вскочила при виде нас.

— Дамир Русланович, группа по проекту «Эко-Сити» в сборе. Все ждут в большой переговорной.

— Отлично.

Дамир толкнул тяжелую стеклянную дверь и пропустил меня вперед.

В переговорной сидело человек двенадцать. И это были одни мужчины. Разного возраста, в дорогих костюмах, с часами, с серьезными лицами. Архитекторы, инженеры, финансисты.

Когда мы вошли, все разговоры смолкли. Двенадцать пар глаз уставились на меня. Все встали.

— Добрый день, Дамир Русланович! — раздался нестройный хор голосов.

Дамир прошел во главу стола. Я встала рядом, чувствуя себя школьницей перед экзаменационной комиссией.

— Коллеги, прошу садиться. У меня мало времени, поэтому сразу к делу. Знакомьтесь. Яна Владимировна Волкова. С сегодняшнего дня – главный дизайнер и руководитель

проекта «Эко-Сити».

Я ожидала увидеть на их лицах скепсис или недовольство. Но я увидела только широкие, радушные улыбки. Слишком широкие. Слишком радушные.

— Добро пожаловать в команду, Яна Владимировна! — первым заговорил грузный мужчина с красным лицом, сидевший по правую руку от Дамира. — Наслышаны, наслышаны о ваших талантах. Для нас честь работать с таким специалистом.

— Да, безусловно, — подхватил молодой парень в очках. — Мы видели ваши проекты для «СтройМакс». Очень свежо, очень интересно. Рады, что вы теперь с нами.

— Мы подготовили всю документацию, Яна Владимировна, — елеинным голосом произнес еще один, худой и желчный на вид. — Как только у вас будет время, мы с радостью введем вас в курс дела. Любая помощь, любая поддержка — мы к вашим услугам.

Они рассыпались в любезностях, кивали, улыбались, заглядывали мне в глаза. Я даже немного расслабилась. Может, я зря боялась? Может, здесь действительно работают профессионалы, которые ценят коллег, а не сплетни?

В этот момент у Дамира зазвонил телефон. Он глянул на экран, нахмурился.

— Мне нужно отъехать. Срочно. В мэрии совещание перенесли.

Он встал. Все в комнате тут же подобралось.

— Совещание проводите без меня. Глеб, — он кивнул краснолицему, — введешь Яну в курс дела по всем этапам. Вечером жду отчет. Яна, кабинет тебе покажут.

Он повернулся ко мне. На секунду его глаза встретились с моими.

— Осваивайся. Я буду через пару часов.

Он вышел. Дверь за ним закрылась с мягким, едва слышимым щелчком.

И в ту же секунду в комнате все переменялось. Улыбки исчезли с лиц мужчин так мгновенно, словно их стерли ластиком.

Грузный Глеб, который минуту назад распинался в уважении, с грохотом отодвинул стул, развалился в кресле и закинул ногу на ногу. Он посмотрел на меня, и в его взгляде было столько брезгливости...

— Ну и? — спросил он, не скрывая издевки. — Долго стоять будем, Яна... как вас там? Владимировна? Или для своих просто Яночка?

Я опешила.

— Для вас — Яна Владимировна.

— Да бросьте, — он махнул пухлой рукой, и по столу прокатился смешок. — Мы же все взрослые люди. Мы понимаем, за какие такие «таланты» получают должности руководителей проектов за один день. Костюмчик, кстати, ничего. Босс выбирал? Дорогой. Отрабатывать долго придется.

По залу прошел гул. Липкий, грязный, мужской смех. Те

самые люди, которые минуту назад обещали мне поддержку, теперь смотрели на меня как на кусок мяса. Как на дорогую проститутку, которую шеф привел развлечься.

— Глеб Сергеевич, — вступил худой. — Ну зачем вы так? Девушка старалась. Ушла от мужа к более перспективному... партнеру. Это тоже талант.

— Талант, — согласился Глеб. — Только у нас тут стройка, милочка. Тут бетон, арматура и матом ругаются. А не шторы вешают и не в постели вопросы решают...

— Я архитектор, дизайнер, — попыталась перебить его я, чувствуя, как пылают щеки. — У меня опыт...

— Опыт у тебя в постели с Волковым был, — грубо парировал Глеб. — А теперь, видимо, с Саидовым. Талантливая ты наша. Так вот, слушай сюда. Ты сидишь в своем красивом кабинете, пьешь кофе, красишь ногти и не лезешь в работу взрослых дядей. Зарплата тебе капает, босс доволен, мы делаем дело. Все счастливы. Поняла?

Меня трясло. Я смотрела на эти лица — самодовольные, жестокие, насмешливые. Они объединились против меня. Я была для них чужаком. Врагом. Подстилкой.

Я хотела ответить. Хотела сказать им что-то резкое, поставить на место. Но слова застряли в горле. Я только что пережила ад с Максимом, я была вымотана, я была одна в логове волков. У меня просто не было сил на войну.

Я схватила свою сумку.

— Я... мне надо в кабинет, — пробормотала я.

Глеб захохотал.

— Ну иди, иди. Поплачь. Только тушь не размажь, а то Саидов расстроится, что товарный вид испорчен.

Я выскочила из переговорной под их смех. Пробежала по коридору, не разбирая дороги. Нашла дверь с табличкой «Я.В. Волкова». Влетела внутрь, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной.

Сердце колотилось так, что, казалось, пробьет грудную клетку. Меня не приняли. Меня смешали с грязью. Они все считают, что я сплю с Дамиром. Что я пустышка.

Мне хотелось позвонить Дамиру. Пожаловаться. Рассказать, какие они ублюдки. Я достала телефон. Но потом представила его лицо. Его холодный, оценивающий взгляд.

Если я сейчас позвоню ему и скажу, что меня обидели, он решит, что я слабая. Что я не тяну. Что Максим был прав насчет меня. Я не могла этого допустить. Я не могла потерять этот шанс.

Я вытерла злые слезы тыльной стороной ладони. Встала. Подошла к столу.

Нет. Я никому ничего не скажу.

Я буду терпеть. Я буду работать по ночам, я буду грызть этот проект в одиночку, но я заставлю их себя уважать. Или сдохну. Но жаловаться я не буду.

Глава 8. Чужая территория

Я сидела в своем новом кабинете уже три часа.

Перед глазами – панорамное окно с видом на серый, дождливый город. Сзади – стеклянная стена, отделяющая меня от общего зала. Я чувствовала себя рыбой в аквариуме.

Все ходили мимо, бросали быстрые взгляды и тут же отворачивались. Никто не зашел поздороваться. Никто не спросил, нужно ли мне что-то.

Я включила компьютер. Пустой рабочий стол. Никаких папок, никаких доступов к серверу. На столе стоял стационарный телефон. Я сняла трубку, нашла в справочнике номер IT-отдела.

Гудки. Длинные, равнодушные. Наконец, кто-то ответил.
— Слушаю.

— Здравствуйте. Это Яна Волкова, новый дизайнер. Мне нужны доступы к сетевым папкам по проекту «Эко-Сити» и почта.

— Заявку на портале оставьте.

— У меня нет доступа к portalу. Я не могу оставить заявку.

— Ну, тогда пишите на почту начальнику отдела.

— У меня нет почты.

В трубке тяжело вздохнули.

— Девушка, я занят. Будет распоряжение от Глеба Серге-

евича – сделаем. Нет распоряжения – нет доступов.

— Но я руководитель проекта...

Короткие гудки.

Я медленно положила трубку. Руки дрожали. Не от злости, а от бессилия. Я привыкла, что в «СтройМаксе» одно мое слово запускало процессы. А здесь я была никем. Пустым местом в дорогом костюме.

Я вышла в коридор. Нужно было найти Глеба.

Опенспейс жил своей жизнью. Люди звонили, смеялись, обсуждали выходные. Я шла между столами. И тишина двигалась вместе со мной.

Разговоры стихали. Улыбки гасли. Люди утыкались в мониторы, срочно находя там что-то невероятно важное. Я чувствовала спиной их взгляды. Липкие. Осуждающие.

«Смотри, пошла. Любовница».

«Говорят, она мужа обокрала».

«Дамир её из жалости подобрал».

Я подошла к столу, за которым сидел молодой парень в очках. Тот самый, что поддакивал Глебу в переговорной.

— Извините.

Он не поднял головы. Продолжал скроллить ленту новостей.

— Извините, — повторила я громче. — Вы не видели Глеба Сергеевича?

Он лениво повернулся ко мне. Сдвинул очки на нос.

— Нет.

— А когда он будет?

— Не знаю. У него свободный график.

— Мне нужно с ним связаться. У вас есть его номер?

— Есть.

Он замолчал и снова уставился в монитор. Я стояла, чувствуя, как краска стыда заливает шею. Меня просто игнорировали. Как назойливую муху.

— Вы можете мне его дать?

— Это личная информация, — буркнул он. — Ищите в справочнике. Если вам, конечно, доступ дадут.

Кто-то за соседним столом хихикнул. Я развернулась и пошла прочь. Быстро, почти бегом, чтобы они не увидели, как у меня дрожат губы.

В обед стало совсем невыносимо. Желудок сводило от голода — я не ела со вчерашнего вечера. Я нашла на этаже кухню. Просторную, стильную, с кофемашиной и столиками у окна. Там былолюдно. Запах разогретой еды, звон вилок, смех. Я вошла. Смех оборвался. Повисла та самая ватная тишина.

Я подошла к кулеру с водой. Налила стаканчик. Села за свободный столик в углу. Достала телефон, делая вид, что мне очень нужно проверить почту.

За соседним столом сидели три девушки. Смеялись, обсуждали какой-то сериал. Как только я села, одна из них, рыженькая, бросила на меня взгляд, толкнула подругу локтем и что-то шепнула. Они встали. Молча взяли свои подносы и

перешли за другой стол. В самый дальний конец комнаты.

Меня словно пощечину влепили. Я сидела одна в пустом углу. Вокруг меня было кольцо пустоты. Я слышала обрывки фраз:

— ...ну понятно, через постель...

— ...Волков её выгнал, говорят, гуляла сильно...

— ...долго не продержится, Дамиру надоест...

Кусок в горло не лез. Я даже воду пить не могла. Мне хотелось стать маленькой. Исчезнуть. Раствориться. Я вспомнила, как мы с Максимом обедали. Как я была центром внимания. Как со мной советовались. А теперь я – прокаженная.

В кармане завибрировал телефон. Дамир.

«Как дела? Вникаешь?»

Я смотрела на эти буквы, и слезы застилали глаза. Мне хотелось написать правду.

«Мне плохо. Меня здесь ненавидят. Забери меня отсюда».

Но я представила его лицо. Спокойное, жесткое. Он дал мне шанс. Он вложил в меня деньги. Если я сейчас начну ныть, он решит, что ошибся. И тогда у меня вообще ничего не останется.

Я вытерла глаза. Набрала ответ:

«Всё в порядке. Изучаю документы».

Встала. Выбросила пустой стакан воды в урну. И пошла обратно в свой стеклянный аквариум.

Я села за стол и закрыла лицо руками. И тут меня накрыло. Не обида, нет. Скорее странное непонимание.

Я видела разные коллективы. Я десять лет на стройке. Я знаю, что такое снобизм, знаю, как реагируют на «бабу-начальника». Обычно это скепсис, ухмылки, проверки на прочность. А здесь было другое. Какая-то личная, ядовитая, зашкаливающая ненависть. Тотальная.

Только я не могла понять за что? Я ведь им ничего не сделала.

Я даже слова никому плохого не сказала. Я просто пришла работать. Откуда столько злости?

Ладно Глеб, он, видимо, сам рассчитывал на это место...

Но эти девочки в столовой? Этот парень в очках? Они смотрели на меня с такой личной, искренней ненавистью, будто я у каждого из них украла кошелек или увела мужа.

Это было похоже на то, как дети в школе выбирают жертву и начинают травить всем классом. Просто потому что могут. Просто потому что кто-то сказал «фас», и всем стало весело.

И от этого становилось страшно. По-настоящему, до дрожи. Потому что с профессиональным спором я бы справилась. А как бороться с этим иррациональным бойкотом – я понятия не имела.

Глава 9. Тень прошлого

Рабочий день тянулся, как жвачка, прилипшая к подошве. Вязко, противно и бесконечно. Я сидела в кабинете и просто не понимала, что делать.

Биться головой о стену игнора? Пытаться понравиться? Или включить стерву?

Я чувствовала себя растерянной и это бесило. К вечеру я приняла решение: хватит. Я расскажу Дамиру. Не буду строить из себя железную леди, которая «справляется».

Я просто приду и скажу, что его команда объявила мне войну. Это честно. Это по-партнерски. Я уже собиралась встать и пойти к нему, но тут пространство разорвал звонок.

Я вздрогнула, ожидая чего-угодно. Но на экране светилось: *«Людмила Петровна»*. Свекровь.

Сердце екнуло. За десять лет она стала мне почти родной. Мы вместе выбирали шторы в нашу квартиру, я возила её по врачам, когда у нее скакало давление, мы пекли пироги по выходным.

Она всегда называла меня «доченькой». Может быть, она не знает? Или знает, но не верит Максиму?

Я схватила трубку.

— Алло? Людмила Петровна?

— Яна... — голос у нее был слабый, дрожащий. — Яночка, ты?

— Я, Людмила Петровна. Что случилось? Вам плохо?

— Сердце, Яночка... Весь день на каплях. Как же так? Как же вы так с Максимом? Я места себе не нахожу.

У меня защипало в глазах. Наконец-то. Хоть один человек, которому не всё равно.

— Людмила Петровна, я не хотела... Так вышло. Он...

— Не надо по телефону, — перебила она, всхлипнув. — Не могу я так. Приезжай, а? Посидим, поговорим. Я пирог испекла, твой любимый, с капустой. Максим не приедет, он занят. Только мы вдвоем. Пожалуйста, дочка. Мне так тяжело одной.

Я посмотрела на часы. Дамир уехал на встречу, сказал, что будет поздно. В офисе делать было нечего — стена отчуждения не пробивалась.

А там — теплый дом, пахнувший выпечкой, и человек, который меня любил. Мне так нужно было почувствовать себя не изгоем, а просто Яной, которую ждут к чаю.

— Я приеду, — сказала я. — Диктуйте, что купить в аптеке.

Я купила лекарства, фрукты и поехала в Чертаново, в старую сталинку, где жила мама Максима. Ту самую квартиру, ремонт в которой я делала своими руками три года назад. Бесплатно, разумеется. «Для мамы же».

Дверь она открыла сама. В халате, с платком на голове, лицо бледное.

— Ох, Яночка... Проходи.

В квартире пахло валерьянкой и дрожжевым тестом. Этот запах из детства расслабил меня мгновенно. Я обняла её. Она была мягкой, теплой.

— Как вы? — спросила я, разуваясь.

— Да как... Сердце колотится. Пойдем на кухню, чайник вскипел.

Мы сели за круглый стол. Она налила чай в чашки с золотой каймой – мой подарок на позапрошлый Новый год. Подвинула тарелку с пирогом.

— Ешь, ты вон какая худая стала. Кожа да кости.

Я взяла кусок пирога. Он был вкусным, домашним. Я откусила и почувствовала, как по щеке катится слеза.

— Он выгнал меня, Людмила Петровна. Просто выставил за дверь. Завел любовницу, молодую девочку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.